

Глава 7

Проснувшись утром, Му Ан почувствовал себя значительно лучше. На кровати он был один. Он самостоятельно оделся и, потирая глаза, вышел из комнаты. Тётя Чжун, увидев, что он спускается, тут же поспешила ему навстречу.

— Молодой господин, что же вы так рано? — заботливо спросила она. — Поспали бы ещё.

Му Ан отрицательно качнул головой и поздоровался:

— Тётя Чжун.

Лицо тёти Чжун расцвело в улыбке.

— Ах, вот таким я и люблю вас видеть, молодой господин, — разговорчивым и весёлым.

— А где брат? — спросил Му Ан.

Улыбка женщины слегка померкла, и она с некоторой опаской ответила:

— Он в кабинете. Может, вы сначала позавтракаете? А потом уже к нему пойдёте.

Му Ан знал, что его брат не любит, когда его беспокоят в кабинете, поэтому кивнул и позволил тёте Чжун взять себя за руку и отвести к столу.

Завтрак, даже для него одного, был подан весьма обильный. Он начал с большой кружки молока, после которой почти сразу почувствовал себя сытым и съел всего пару крабовых рулетиков. Дядя Хань и тётя Чжун, стоя по обе стороны, поперебой пытались подложить ему ещё что-нибудь, но в отсутствие Мо Шияня Му Ан никого не слушал. Сыт значит сыт. Он отодвинул тарелку и спрыгнул со стула.

В родительском доме его тоже баловали, так что капризы и упрямство, дремавшие в нём, теперь проснулись. Он инстинктивно чувствовал, что здесь ему ничего не грозит, а значит, можно позволить себе немного больше.

Подгоняемый их уговорами, он, поджав губы, побежал ещё быстрее.

Мо Шиянь всё не выходил из кабинета, и Му Ану нестерпимо хотелось его увидеть. Словно муравей, он беспокойно метался у двери, то прикладывая ухо к щели, то снова отходя. К сожалению, ничего не было слышно.

Брат не показывался с самого утра, и это было странно.

Взрослым не так-то просто что-то от него скрыть, да и какой из его брата взрослый — так, большой ребёнок.

Он всё ближе и ближе прижимался к двери, и вдруг... щелчок замка. Дверь распахнулась внутрь.

Му Ан, опиравшийся на неё всем весом, потерял равновесие и полетел вперёд, но, к счастью, чья-то рука успела схватить его за шиворот и удержать на ногах.

Воротник впился в его пухлую щёчку. Устояв на ногах, он с облегчением похлопал себя по груди и поднял взгляд. На него, хмурясь, смотрел Мо Шиянь.

Оказалось, в кабинете был кто-то ещё — мужчина в белом халате, похожий на врача. Ввалиться вот так было очень невежливо.

Но Мо Шиянь ничего не сказал, лишь поправил ему воротник.

Врач с улыбкой отнёсся к этому маленькому происшествию и, повернувшись к Мо Шияню, продолжил инструктаж:

— В следующий раз при малейших признаках нестабильности феромонов немедленно свяжитесь со мной. У вас жар не только из-за раны. Препараты, которые вы принимали, предназначены для альфа и на вас действуют слабо. Хотя вы и недавно прошли обращение, нужно быть внимательнее ко многим вещам.

Мо Шиянь коснулся повязки на шее и коротко ответил:

— Угу.

— Кроме того, — добавил врач, — у вашего брата наблюдаются симптомы ускоренного проявления фенотипа. Вам нужно быть предельно осторожным. Ни в коем случае не позволяйте ему контактировать с вашими феромонами. Ваш уровень слишком высок, и для него это может быть опасно.

— Да.

— Понаблюдайте за состоянием сегодня вечером. Если температура не спадёт, позвоните мне.

— Хорошо.

На прощание врач взглянул на прелестное, по-детски невинное личико Му Ана. В больших светло-карих глазах застыли недоумение и любопытство. Он хотел было добавить ещё пару наставлений, но, решив, что это бесполезно, взял свой саквояж и ушёл.

Как только врач скрылся за дверью, Му Ан тут же вцепился в руку Мо Шияня и, встав на цыпочки, попросил:

— Брат, наклонись, пожалуйста.

Он мало что понял из их разговора, но слово «жар» расслышал отчётливо.

— Ты завтракал? — спросил Мо Шиянь, опуская его руку.

— Да, да, — закивал Му Ан и снова потянулся к нему. — Дай я потрогаю твой лоб. У тебя жар?

Ладонь Мо Шияня была горячей. Он сжал обе его маленькие ручки в своей.

— Сколько ты съел?

— Много-много, — отмахнулся Му Ан. — Брат, не спрашивай.

Он заметил, что раненая левая рука Мо Шияня перевязана белым бинтом, и осторожно коснулся повязки. Затем потянул его наверх.

— Больным нельзя разгуливать. Иди в постель и отдыхай.

Мо Шиянь сначала упирался, но Му Ан с такой силой толкал его в спину, что чуть ли не распластался по полу. Казалось, он вложил в это всю свою младенческую силу.

Когда толкать не получилось, он забежал вперёд и снова стал тянуть его за руку.

Они устроили в гостиной настоящее перетягивание каната. Несмотря на головокружение и острую боль в железе на шее, Мо Шиянь, глядя, как Му Ан суетится вокруг него, не сдержал улыбки и стал покорно, шаг за шагом, продвигаться вперёд.

Так, то толкая, то таща за руку, Му Ан всё-таки доставил Мо Шияня в спальню. Уложив его на кровать, он заботливо натянул на него одеяло, а потом ещё и подоткнул его у ног.

Забравшись на кровать, он с важным видом приложил ладонь ко лбу Мо Шияня, а затем к своему.

— Горячий! У тебя и правда жар, — он торопливо прыгнул на пол и бросился к двери. — Нужно принять лекарство, я сейчас принесу.

— Я уже принял, — остановил его Мо Шиянь. — Всё в порядке, скоро пройдёт.

Врач с самого утра проводил ему успокаивающую терапию. Жар был вызван не столько раной, сколько нестабильностью феромонов, так что обычные лекарства не помогали — нужно было контролировать их уровень.

— Точно больше не надо? — с сомнением спросил Му Ан.

— Лекарства нельзя пить слишком много, — объяснил Мо Шиянь. — Только то, что прописано.

Му Ан счёл это разумным и кивнул.

— А ты не голоден? Ты ведь ещё не завтракал. Хочешь поесть?

Аппетита у Мо Шияня не было.

— Не нужно.

Му Ан всё ещё стоял в дверях.

— Может, воды?

Он так твёрдо решил о нём заботиться, что, казалось, не отступится, пока не найдёт себе занятие.

— Принеси немного, пожалуйста, — сдался Мо Шиянь.

— Хорошо! — Му Ан с готовностью кивнул.

Он пулей сбегал за водой. Сказано «немного» — сделано «немного». В спешке он наполнил стакан меньше чем наполовину и, бережно неся его в обеих руках, примчался обратно.

— Брат, пей.

— Спасибо, — Мо Шиянь взял стакан и сделал глоток у него на глазах.

Му Ан, опершись на край кровати, подпёр щеки руками и, не мигая, смотрел на него. Когда Мо Шиянь допил, он забрал стакан, поставил его на место и снова уставился на брата.

Мо Шиянь лёг и почувствовал, что этот взгляд вот-вот прожжёт в нём дыру.

— Иди поиграй, — сказал он. — Можешь посмотреть телевизор.

— Не буду, — покачал головой Му Ан. — Ты болеешь, я должен о тебе заботиться.

— Я поплюю, и всё пройдёт. Мне не нужна твоя забота.

— Нужна, нужна, — закивал Му Ан. — Ты спи, а я буду рядом. Я не буду тебе мешать, обещаю быть очень тихим.

Он был непреклонен. Мо Шиянь понял, что прогнать его не удастся, и оставил эту затею. Голова и вправду сильно кружилась, так что, закрыв глаза, он почти сразу уснул.

Му Ан сдержал своё слово. Он сидел рядом тихо-тихо, не издав ни звука. Он всегда отличался от других детей большей сосредоточенностью и терпением. Даже дышал он едва слышно, боясь разбудить брата.

Но смотреть на спящего человека — занятие не из весёлых. Вскоре Му Ан зевнул, и его тельце медленно начало клониться в сторону, пока он не примостился на мягком одеяле рядом с Мо Шиянем и тоже не заснул.

Дверь в спальню осталась приоткрытой. Тётя Чжун, не слыша долгое время голоса Му Ана, обеспокоилась и, обойдя весь дом, наконец заглянула в комнату Мо Шияня.

На большой кровати, прижавшись друг к другу, спали двое детей.

Она с умилением посмотрела на них и тихо прикрыла дверь.

После сна жар у Мо Шияня спал, и, кажется, больше всех этому радовался Му Ан.

Но он всё равно то и дело подбегал, чтобы потрогать его лоб, и при малейшем намёке на повышение температуры тут же гнал его в постель.

В его понимании, жар — это серьёзно. Больной должен лежать и отдыхать, и ничего больше.

Последние несколько дней он спал в комнате Мо Шияня, и это постепенно входило в привычку. В главную спальню потихоньку перекочевали и его детские вещи.

Сначала на раковине появился маленький бежевый стаканчик с детской электрической щёткой и зубной пастой со вкусом личи.

Почему он так любил личи, оставалось загадкой, но Мо Шиянь велел дяде Ханю и тёте Чжун во всём потакать его вкусам.

Теперь Му Ан мог умываться в ванной Мо Шияня самостоятельно. У него появилось секретное оружие — низенькая скамеечка. С тех пор он ни разу не промочил одежду во время умывания.

Мо Шиянь поначалу не знал об этом. Однажды Му Ан вышел из ванной и, потрясая сухими рукавами, подбежал к нему похвастаться.

— Смотри, брат, смотри!

Он с гордостью демонстрировал совершенно сухие рукава, трётся ими о ногу Мо Шияня.

— Ни капельки не намочил!

Мо Шиянь потрогал его кофточку — и правда, ни брызга.

— Какой же ты молодец, Анань.

Му Ан, вне себя от радости, побежал хвастаться тётке Чжун и дяде Ханю. Казалось, он был готов оповестить о своём достижении весь остров.

Тётя Чжун и дядя Хань с удовольствием подыгрывали ему. Мо Шиянь с детства был нелюдимым, серьёзным и молчаливым, но Му Ан был его полной противоположностью. Когда это милое, белокурое создание подбегало и просило похвалы, кто мог устоять?

Так продолжалось до тех пор, пока однажды Му Ан не задержался в ванной. Мо Шиянь подошёл к двери и увидел, как тот спрыгивает со скамеечки и торопливо прячет её в нишу за дверью.

Подняв голову, Му Ан наткнулся на его взгляд.

— Это что такое? — Мо Шиянь прошёл мимо него и достал маленькую скамеечку.

— Это моё! — подпрыгнул Му Ан, пытаясь дотянуться.

Мо Шиянь поднял руку чуть выше, и тот уже не мог достать.

— Я знаю, что твоё. Я спрашиваю, для чего это?

Му Ан мысленно сравнил свой рост с ростом брата и надулся. Даже со скамеечкой он был намного ниже.

— Это чтобы сидеть.

Что бы ни случилось, упрямства Му Ану было не занимать.

— А, сидеть... — в глазах Мо Шияня заплясали озорные искорки. Он с улыбкой посмотрел на малыша. — Ну, в комнате места больше, сиди там. В ванной ей не место.

Он направился к выходу, держа скамеечку над головой.

— Нельзя, нельзя! — запротестовал Му Ан, семеня за ним. — Она должна стоять там, иначе мне будет неудобно её брать... Брат, ну отдай, пожалуйста! Я хочу поставить её за дверь! Это я на ней сижу, а не ты, куда хочу, туда и ставлю... Ну почему ты не отдаёшь? Не поднимай так высоко, если упадёт и сломается, мне не на что будет вставать, тётя Чжун нашла только одну такую. Брат, отдай, пожалуйста, отдай!

Он обхватил ногу Мо Шияня и принялся канючить, раскачивая своей круглой, словно у котёнка, головой.

Его умоляющий взгляд, полный отчаяния, мог растопить любое сердце.

Мо Шиянь сдался почти сразу. Он опустил руку и вернул ему скамеечку.

Му Ан тут же отнёс её на место. Мо Шиянь, прислонившись к дверному косяку, с улыбкой наблюдал за ним.

— Значит, всё-таки чтобы на неё вставать, — протянул он.

Котёнок Му Ан, пойманный с поличным: «!!!»

Кто же его выдал?!

***

Дожди шли несколько дней подряд. Му Ану по-прежнему не разрешали выходить на улицу, но, к счастью, у него была договорённость с братом.

Он мог смотреть мультфильмы целый день, и брат обещал не вмешиваться.

Вдобавок ко всему, тётя Чжун принесла ему тарелочку свежих личи. Их ярко-красная кожура выглядела очень соблазнительно.

Му Ан сглотнул слюну, осторожно съел две ягодки, причмокнул и, облизав покрасневшие губы, вытер руки влажной салфеткой. Больше он не притронулся к тарелке.

— Молодой господин, вам не понравился этот сорт? — спросила тётя Чжун. — Он и правда отличается от того, что мы покупали раньше, но этот дороже и слаще. Его только сегодня утром привезли. Разве невкусно?

— Вкусно, — покачал головой Му Ан.

— Тогда почему же вы не едите?

— Детям нельзя есть много, — поучительно ответил Му Ан. — Будет жар. И нужно пить больше воды.

Сказав это, он сбегал за своим стаканчиком, сделал несколько больших глотков, вытер рот и вернулся к телевизору.

Он смотрел мультфильмы весь день, и к вечеру задняя панель телевизора стала горячей.

Мо Шиянь действительно не вмешивался, и Му Ан, довольный, отправился спать.

На следующее утро он снова приготовился к марафону, но не прошло и часа, как из кабинета вышел Мо Шиянь и выключил телевизор.

Му Ан, комфортно развалившийся на диване, в изумлении уставился на него.

— Хватит, — сказал Мо Шиянь. — Дай глазам отдохнуть.

Увидев, что тот собирается уйти с пультом, Му Ан, спрыгнув с дивана, подбежал к нему и вцепился в край одежды.

— Мы же договорились, что я могу смотреть весь день? — пролепетал он.

— Верно. Один день, — подтвердил Мо Шиянь. — А не два.

Му Ан растерянно моргнул.

— А?.. То есть?..

— Вчера ты уже посмотрел. Сегодня — только часик.

Мо Шиянь безжалостно отцепил его руку и скрылся в кабинете.

Му Ан остался стоять посреди комнаты, не в силах понять, как его обвели вокруг пальца. Через некоторое время Мо Шиянь вернулся, уже без пульта.

Му Ан фыркнул, сел на диван и отвернулся, решив не разговаривать с обманщиком.

Мо Шиянь подошёл к нему и надел ему на голову какой-то прибор, закрывший ему глаза. Он хотел было его снять, но рука брата остановила его.

— Не двигайся. Это массажёр. Береги глаза, а то испортишь зрение, и я не куплю тебе очки.

— Я сижу далеко, зрение не испортится, — возразил Му Ан.

— Закрой глаза, — велел Мо Шиянь.

Му Ан послушно зажмурился.

— Глаза болят? — спросил Мо Шиянь.

Массажёр нагревался, и по векам скользили ролики.

— Болят, болят, — захныкал Му Ан. — Брат, глаза болят...

Мо Шиянь уменьшил интенсивность.

— Глаза болят у тех, у кого зрение уже садится. Если будешь так и дальше смотреть, совсем ослепнешь, и очки не помогут.

— А? — испугался Му Ан. — То есть я стану слепым?

— Да.

Му Ан замер и больше не двигался.

Он не хотел портить зрение, и уж тем более не хотел становиться слепым. Придётся смотреть телевизор поменьше.

К счастью, дожди скоро закончились, и погода наладилась. Му Ану больше не нужно было сидеть целыми днями в доме.

На всём острове была лишь одна усадьба. В ясную погоду, стоя под сенью деревьев, можно было видеть далёкую лазурную береговую линию и розовое коралловое море. Над пляжем кружили стаи чаек, а яркое солнце, отражаясь в воде, превращало её в прозрачное, сверкающее желе.

Территория усадьбы была огромной: фонтаны, газоны, фруктовые сады и цветники — всего, что

было видно глазу, Му Ану хватало для игр с лихвой.

В последнее время Мо Шиянь был очень занят. Как первому наследнику, ему приходилось принимать множество решений и присутствовать на важных встречах. Чжао Чжоу часто приезжал с командой юристов, а иногда и забирал его с собой.

Даже когда брата не было дома, Му Ан смотрел мультфильмы не больше часа, а потом послушно выключал телевизор и шёл играть в игрушки или рисовать. Самодисциплина в нём постепенно зарождалась.

В награду за хорошее поведение Мо Шиянь решил научить его ездить верхом.

Конюшня пустовала, и манеж был лишь для вида, но однажды Мо Шиянь увидел, как Му Ан рисует в альбоме четвероногое существо, похожее на маленькую лошадку.

Он подумал и позвонил Чжао Чжоу, спросив, нельзя ли достать несколько настоящих.

Мо Шиянь редко проявлял такой интерес к развлечениям. Другие богатые наследники увлекались машинами, самолётами, яхтами. Какие-то несколько лошадей — Чжао Чжоу без лишних слов всё устроил.

Узнав, что будет кататься на лошадке, Му Ан пришёл в такой восторг, что не мог уснуть всю ночь. Утром он проснулся ни свет ни заря и, умывшись и одевшись, встал в изножье кровати Мо Шияня, ожидая его пробуждения.

Но Мо Шиянь, взглянув на его комбинезон, велел ему переодеться. После долгих примерок он подобрал ему подходящий наряд: светло-коричневый жилет с бахромой и маленькие сапожки.

Перед выходом, заметив яркое солнце, он снял с себя шляпу и надел её на Му Ана.

Голова у Му Ана была маленькой, и шляпа брата болталась на нём, съезжая на глаза. Широкие поля закрывали ему обзор. Он запрокинул голову, и из-под шляпы показался лишь его маленький белый подбородок.

— Брат, — позвал он на помощь. — Твоя шляпа слишком большая, я ничего не вижу! Как же я буду кататься?

<http://bllate.org/book/13682/1212291>